

С. 152. Иные невежды считают, Александр Сергеевич, что тайными науками у нас на Руси стали заниматься лишь после того, как государь Петр Алексеевич, по чьему-то остроумному определению, прорубил окно в Европу. Совершеннейший вздор, унижающий наши национальные чувства. Еще в старину мы нисколько не отставали от Европы. Я не имею в виду тех мужиков-кудесников, о которых вы так талантливо писали в вашей поэме. Я говорю о книжном знании. Мы и здесь не отставали ничуть. Другое дело, что ввиду известных обстоятельств знание это таилось вдали от любопытных глаз и ушей... Доводилось ли вам слыхивать о боярине Федоре Васильевиче Курыне?

– Разумеется, – сказал Пушкин. – Не тот ли, что при великом князе Иване Третьем, отце Иоанна Грозного, ездил с посольством к мадыарскому королю Матиашу Корвину?